

Научная статья

УДК 81.41

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/43-53>

**КРИТИКА КАК ПРИЕМ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ
В КИТАЙСКОМ И РОССИЙСКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЙ)**

Индун Го¹

Научный руководитель: **Ольга Васильевна Николаева²**

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Аспирант, кафедра романо-германской филологии, go.in@dvfu.ru

² Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии, nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Аннотация. В данной статье исследуются различия в способах реализации критики как важного дискурсивного приема стратегии волеизъявления в китайском и российском дипломатическом дискурсе. В качестве объекта исследования взят дискурс китайских и российских пресс-конференций, относящийся к периоду с 1 августа по 1 октября 2023 г. Для идентификации дискурсивного приема критики ответы на пресс-конференции рассматривались как фрагменты дискурса, отмеченные положительной, нейтральной и отрицательной оценочностью: похвала, риторика и критика. В работе использованы теоретические подходы сопоставительной лингвистики, политической лингвистики и дискурс-анализа. В результате сопоставления лексических средств выявлено, что российский дискурс пресс-конференции содержит в большей степени личную оценку, китайский дискурс пресс-конференции – официальную; синтаксические средства российского дискурса пресс-конференции содержат больше контрастивных конструкций, китайского – больше синтаксических повторов; стилистические средства российского дискурса содержат иронию, китайского – фразеологию; по цели критического высказывания российская сторона делает акцент на критике существующего положения вещей, а китайская сторона – на его изменении.

Ключевые слова: стратегия волеизъявления, критическое высказывание, дипломатический дискурс, российский и китайский дискурс пресс-конференции, дискурсивный прием

Для цитирования: Го И. Критика как прием реализации стратегии волеизъявления в китайском и российском дипломатическом дискурсе (на материале пресс-конференций) / науч. рук. О.В. Николаева // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 43–53.

Original article

**CRITICISM AS A METHOD FOR IMPLEMENTATION
OF THE WILL EXPRESSION STRATEGY
IN CHINESE AND RUSSIAN DIPLOMATIC DISCOURSE
(BASED ON THE MATERIAL OF PRESS CONFERENCES)**

Yingdong Guo¹

Scientific Advisor **Olga V. Nikolaeva²**

^{1,2} Far Eastern federal University, Vladivostok, Russia

¹ Postgraduate Student, go.in@dvfu.ru

² Doctor of Philology, Department of Germanic and Romance Philology, Chair,
nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Abstract. The author conducts a comparative analysis of the criticism expression in Chinese and Russian diplomatic discourse, which serves as a crucial discursive tool in conveying intentions. The research focuses on press conferences held between 1 August and 1 October 2023 in China and Russia. To explore the discursive strategies employed for criticism, the "answers" provided during these press conferences are utilized as fragments, categorized into positive, neutral, and negative modes of evaluation encompassing praise, rhetoric, and criticism. The theoretical frameworks of comparative linguistics, political linguistics, and discourse analysis were employed. Throughout the study, a comparison of lexical devices revealed that criticism in Russian press releases exhibits a greater emphasis on personal evaluation, whereas criticism in Chinese press releases places more focus on official evaluation. Syntactic devices used for criticism in Russian press releases center around contrastive structures, while Chinese press releases employ sentence repetition as their primary syntactic device for conveying criticism. Criticism expressed during Russian press conferences often employs the rhetorical device of "irony," whereas Chinese press conferences frequently utilize "idioms" to convey critical messages. In terms of the purpose behind criticism, the Russian side tends to prioritize critiquing the current situation, while the Chinese side pays more attention to highlighting changes within the current situation.

Key words: strategies for intentional expression, critical expression, political discourse, Chinese-Russian press conference discourse, discourse tool

For citation: Guo Y. Criticism as a Method for Implementation of the Will Expression Strategy in Chinese and Russian Diplomatic Discourse (Based on the Material of Press Conferences) / sci. adv. O.V. Nikolaeva // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 43–53. (In Russ.).

Введение

Целью данной работы является установление различий в реализации стратегии волеизъявления в дипломатическом дискурсе Китая и России. Исследование выполнено на материале пресс-конференций на китайском и русском языках. Пресс-конференция дает возможность получить официальный комментарий ведомств и высших должностных лиц государства, что позволяет распространить конкретную информацию в СМИ [7]. В отличие от других видов интервью, пресс-конференция – строго тематическое и формализованное мероприятие.

Пресс-конференции двух стран охватывали широкий спектр вопросов. Пресс-конференция под председательством министра иностранных дел С.В. Лаврова была посвящена в основном российско-украинской войне, санкциям против России со стороны США и других западных стран, международным конфликтам; китайская пресс-конференция под председательством официальных представителей МИД Мао Нин и Ван Вэньбина посвящалась сбросу радиоактивных вод с АЭС Фукусима в Японии, вопросу независимости Тайваня, конфликтам между Китаем и западными странами во главе с США.

Содержание пресс-конференций МИДа реализует стратегию волеизъявления, способы выражения которой могут быть весьма разнообразны. По сравнению с речами, обращениями к нации, и другими видами дипломатического дискурса, в пресс-конференции присутствует большая доля импровизации.

Единицами анализа являются в основном фрагменты дипломатического дискурса, представляющие оценочно-аналитические критические высказывания. Для их отбора использовались ответы дипломатов на вопросы пресс-конференции: всего 78 ответов на русском языке и 315 – на китайском. В ходе анализа выявлено, что пресс-конференция китайских дипломатов содержит 160 фрагментов дискурса, отмеченных положительной или отрицательной оценочностью, из них 74 фрагмента (46,25%) – с отрицательной оценкой. Количество фрагментов дискурса с отрицательной оценкой пресс-конференции российского дипломата составило 73 (17%). Таким образом, дискурсивный прием критики является значимым инструментом в реализации стратегии волеизъявления в дипломатическом дискурсе обеих стран.

Теоретическая база

В работе использованы теоретические подходы сопоставительной лингвистики, политической лингвистики и дискурс-анализа. С точки зрения политической лингвистики в трактовке дипломатического дискурса существуют разные точки зрения. По мнению китайских ученых, дипломатический дискурс относится к политическому дискурсу институционального типа, то есть дискурсивные (речевые) приемы, используемые субъектами дипломатии для выражения международной стратегии и внешней политики в тот или иной исторический период, включают в себя в основном официальные документы дипломатических концепций или политики, речи лидеров, договоры и соглашения между странами, дипломатические переговоры, пресс-конференции и т. д. [16].

В российской лингвистике принято разделять дипломатический дискурс на две формы: публичный дипломатический дискурс и закрытый дипломатический дискурс [13]. Публичная форма дипломатического дискурса: выступления послов в стране их пребывания, пресс-конференции высших государственных чиновников либо послов, заявления МИД, а также выступления дипломатов на заседаниях Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи ООН и т. д., распространяемые с помощью масс-медиа, по своим основным характеристикам во многом совпадает с политической коммуникацией. Непубличная (закрытая) форма дипломатического дискурса – это переговоры различных уровней, имеющие форму обмена мнениями между равными, подготовленными и обладающими нужной информацией партнерами с целью решения определенной проблемы. Данная черта, характерная для дипломатической коммуникации, сближает ее с научным дискурсом [2].

Объектом исследования в данной работе является публичный дипломатический дискурс.

Китайский ученый Ван Наньнань считает, что природой дипломатического дискурса является интерпретация семантического содержания в соответствии с интенцией говорящего [4]. Российские ученые утверждают, что успешный дипломатический дискурс – это когнитивная транзакция между его участниками, в ходе которой достигнута основная цель общения – защита интересов своего государства, реализуемая посредством ряда промежуточных целей, каждой из которых соответствует свой объект референции и своя интенциональная направленность с конкретными наборами типичных интенций [14].

Волеизъявление – важнейшая стратегия дипломатического дискурса. Для исследования стратегии волеизъявления важным представляется выделение, по Ш. Балли, основного содержания (диктум) и его модальной части (модус), в которой выражается интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума [1].

Волеизъявление оказывается основой выражения коммуникативной стратегии – это «проявление собственной воли, желания» [3]. Под волеизъявлением понимается, по мнению А.А. Полещиной, желание говорящего каузировать действие. Говорящий выбирает разные формы передачи своего намерения, использует различные способы достижения иллокутивной цели речевого акта [8]. Стратегия волеизъявления заключается в воздействии на партнера по коммуникации, в побуждении его к действиям в соответствии с желаниями и волей адресанта [17]. Другими словами, в коммуникации стратегии волеизъявления – это способы воздействия на поведение других людей с помощью своей воли.

Оценка занимает ключевую позицию в регулировании поведения и поступков других людей [15]. Критика как речевой акт оценки, являясь дискурсивным приемом, представляет собой реализацию стратегии волеизъявления с целью повлиять на поведение других людей.

Китайские ученые выделяют в содержании коммуникативной стратегии волеизъявления два этапа. Первый этап – принятие решения, что также является подготовительным этапом волевого действия, когда необходимо определить цель действия, выбрать эффективные методы и средства достижения цели, сформулировать практический план действий. Второй этап – реализация решения – представляет собой процесс воплощения плана действий в жизнь. На этом этапе предпринимаются усилия по преодолению субъективных и объективных трудностей для того, чтобы в конечном итоге реализовать план [12].

Мы сопоставляем понятие «целенаправленность», используемое китайскими лингвистами, с понятием «волеизъявление», принятым российскими учеными. Целенаправленность дипломатического дискурса заключается в выражении и понимании национальной воли [5]. Иными словами, целенаправленность воплощается в передаче национальных установок, изложении национальных позиций и пропаганде внешней политики в мире посредством дипломатического дискурса; в то же время речевой акт используется для избегания конфликтов и решения проблем для достижения цели диалога между двумя сторонами [19].

Китайские ученые считают, что «целенаправленность» в дипломатическом дискурсе – это выражение собственной позиции, а критика как речевой акт является средством достижения этой «целенаправленности».

Мы в данной работе, вслед за российскими учеными, отдаем предпочтение категории волеизъявления как более широкой и поэтому более целесообразной для сопоставительного анализа дискурса пресс-конференций на двух языках. Дискурсивная стратегия волеизъявления ре-

ализуется посредством дискурсивного акта критики. Мы считаем, что, отвечая на вопросы журналистов, пресс-секретарь использует речевой акт критического высказывания для критики лица или предмета, упомянутого в вопросительном предложении, с целью предупредить или изменить мнение и поведение соответствующего лица или представление о предмете критики.

Подводя итог, можно отметить, что российские и китайские ученые провели исчерпывающие исследования волеизъявления в дипломатическом дискурсе. Однако системной методики сопоставительного анализа категории волеизъявления на материале пресс-конференций на китайском и русском языках не было разработано. Данное исследование имеет прикладную ценность для практики межкультурной коммуникации и практики перевода.

Исследовательская часть

В данной работе мы изучаем различия в способах реализации критики как важного дискурсивного приема стратегии волеизъявления в китайском и российском дипломатическом дискурсе по четырем пунктам, а именно: лексическое выражение, синтаксические средства, стилистические средства и цель критического высказывания. Примеры на русском языке взяты с сайта МИД России <https://www.mid.ru>, а на китайском языке – с сайта МИД Китая <http://spainembassy.fmprc.gov.cn>.

Лексическое выражение во фрагменте критического дискурса

Лу Тингтинг предполагает, что неясность семантических границ между семантически рекурсивными словами и манипулятивный характер политического дискурса в прагматических факторах способствуют семантической неопределенности политической коммуникации [6]. Ван Сянли отмечает, что это связано с тем, что языковые единицы могут приобрести определенный референциальный статус только в случае их использования в конкретных речевых актах, а лексемы, абстрагированные от конкретного использования, референциальным статусом не обладают [18]. Поэтому необходимо проанализировать лексические средства в конкретных контекстах. На основе наблюдений и изучения контекста российского и китайского дискурса пресс-конференций мы пришли к выводу, что в российском дискурсе пресс-конференции чаще использовались слова, связанные с личной оценкой, тогда как китайская сторона предпочитала более официальные оценочные слова.

Пример 1. Вопрос: Какими Вы видите отношения с Токио в ближайшие четыре года?

*Ответ: <...> Япония – одна из немногих стран, которая «выпадает» из общей перспективы наращивания нашего стратегического взаимодействия, поскольку она приняла решение **слепо, тупо** (простите за это слово) следовать в русле политики США. Причем даже не сдерживания России, а агрессивного наступления на нашу страну во всех сферах. (01.09.2023).*

Пример 2. 问题: 据报道, 20 日, 日本首相岸田文雄实地考察福岛第一核电站时称, 为推进核反应堆退役和福岛重建工作, 核“处理水”排放是绝不能拖延的课题。报道还称, 日本政府已基本决定在 22 日召开内阁会议, 敲定启动核污染水排海的具体日期。请问中方对此有何评论?

回答: 日本政府无视国内外反对呼声, 不顾国际社会对排海计划正当性、合法性、安全性的质疑, 漠视排海计划损害全球海洋环境和人类健康的风险, 执意推进核污染水排海计

划, 是极端自私和不负责的。中方对此表示严重关切, 将密切关注事态发展。(21.08.2023).

(Вопрос: Сообщается, что 20-го числа премьер-министр Японии Фумио Кисида во время посещения АЭС «Фукусима-1» заявил, что в целях содействия выводу из эксплуатации ядерных реакторов и восстановлению Фукусимы сброс «очищенных вод» АЭС – это вопрос, который нельзя откладывать. В сообщении также говорится, что правительство Японии приняло принципиальное решение провести 22-го числа заседание кабинета министров, чтобы окончательно определить конкретную дату начала сброса загрязненной ядерным топливом воды в море. Каковы комментарии Китая по этому поводу?)

Ответ: <...> Крайне эгоистично и безответственно со стороны японского правительства игнорировать оппозицию внутри страны и за рубежом, игнорировать сомнения международного сообщества в легитимности, законности и безопасности плана сброса воды в море, игнорировать риск нанесения ущерба глобальной морской среде и здоровью людей и настаивать на реализации плана сброса загрязненной ядерным оружием воды в море. Китай серьезно обеспокоен этим и будет внимательно следить за развитием событий. (21.08.2023)).

Сравнивая примеры 1 и 2, легко заметить, что слова «тупо» и «слепо», используемые российской стороной, содержат в большей степени личную оценку, желание критиковать сильнее. Слова «自私 эгоистично» и «不负责任 безответственно», используемые китайской стороной, напротив, имеют окраску официальной оценки. Хотя это и критика, но она явно не столь резка, как у российской стороны.

Синтаксические средства в фрагменте критического дискурса

В ходе исследования было замечено, что критическое волеизъявление реализуется на основе разных синтаксических конструкций. Так, российская сторона предпочитает использовать контрастные предложения при критическом высказывании. Китайская сторона предпочитает синтаксический повтор.

Пример 3. Вопрос: Госсекретарь США вновь настоятельно призвал Россию восстановить «черноморскую инициативу» по вывозу украинского продовольствия и вновь торжественно повторил, что российские удобрения и сельхозпродукция не подпадают под санкции. Как Вы можете прокомментировать данные заявления?

Ответ: <...> Незначительность украинского вклада, что называется, налицо. Но это не мешает преподнести его как «спасение мира от голода». Не прекращают западники тиражировать тезис о снижении мировых цен на зерновые. Умалчивают при этом, что цены снизились с пиковых значений марта 2022 г. и до запуска «черноморской инициативы», и сейчас остаются на стабильно низком уровне. Примечательно, что фактический запрет на экспорт российских и белорусских минеральных удобрений, который привел к их физическому дефициту, на ценообразование, по мнению западников, видимо, никак не влияет. Как, видимо, нет им дела и до 45 млн человек, которых можно было бы накормить продовольствием, произведенным на основе российских аммиачных удобрений, если бы украинцы сначала не остановили, а потом и вовсе не подорвали аммиакопровод «Тольятти–Одесса». Не комментируют в западных столицах и свой отказ разблокировать российские удобрения для безвозмездной передачи беднейшим странам. Зато пытаются всячески принизить российские гуманитарные поставки пшеницы действительно нуждающимся африканцам. (04.08.2023).

Пример 4. 问题：美国日前宣布将 352 种中国产品的关税豁免期限延长至年底，请问

中方对此有何回应？

回答：作为原则，我们一贯反对打关税战，认为关税战没有赢家。美国对华单边加征关税违反世贸组织规则，不利于中国，不利于美国，也不利于世界。(07.09.2023).

(Вопрос: Недавно США объявили о продлении тарифных льгот для 352 китайских товаров до конца года, какова реакция Китая на это?)

Ответ: Мы принципиально выступаем против тарифных войн и считаем, что в тарифных войнах нет победителей. Одностороннее введение Соединенными Штатами тарифов против Китая нарушает правила ВТО и наносит ущерб Китаю, наносит ущерб США и даже наносит ущерб всему миру (07.09.2023)).

В примере 3 «но», «зато», «если бы...можно было бы...» являются обычной контрастивной конструкцией, семантика выражений «Не прекращают...Умалчивают...», «Примечательно...видимо...» также является контрастивной конструкцией. Российская сторона часто использует подобные синтаксические приемы, чтобы повысить убедительность критики и сделать ее более выразительной.

В примере 4 «не利于.....不利于.....更不利于..... наносит ущерб...наносит ущерб...даже наносит ущерб...» является синтаксическим повтором, который используется китайской стороной для повышения уровня критики и усиления тона.

Стилистические средства в фрагменте критического дискурса

Метафора действительно играет важную роль в китайском и русском политическом дискурсе. Русский ученый А.В. Степаненко составила концептуально-интегральные модели метафоры на основе понятия ментального пространства [9].

Китайский ученый Сунь Фуцин в докторской диссертации показал различия между китайскими и русскими политическими метафорами, но в то же время подтвердил, что между китайскими и русскими политическими метафорами существует значительная согласованность [10]. Таким образом, метафора не является стилистическим средством, характерным только для китайского или только для российского политического дискурса.

Мы также обнаружили, что российская сторона часто использует иронию для критического высказывания на пресс-конференциях, в то время как китайская сторона часто использует фразеологию.

Пример 5. Вопрос: Госсекретарь США Э. Блинкен выступил с сенсационным заявлением, что Украина готова к переговорам с Россией. Если они начнутся, то уж США «подтянутся». Как Вы к этому относитесь?

Ответ: <...> Насчет нашей позиции и того, что Россия не выказывает никакой готовности и желания к переговорам, – это обидно. Понимаю, что Госсекретарь США человек занятой, но у него есть какие-то эксперты, которые регистрируют и анализируют то, что говорит российское руководство. Президент России В.В. Путин многократно говорил, что мы не уходим от переговоров. (12.09.2023).

Пример 6. 问题：据报道，中国台湾地区副领导人赖清德 8 月 12 日至 18 日“过境”窜访美国纽约和旧金山。发言人对此有何评论？

回答：台湾问题是中国核心利益中的核心，是中美关系政治基础中的基础，是中美关

系第一条不可逾越的红线。“台独”与两岸和平稳定水火不容，是死路一条。纵容支持“台独”终将引火上身，玩火自焚。(18.08.2023).

(Вопрос: Появилась информация о том, что вице-губернатор Тайваня Лай Циндэ с 12 по 18 августа посетил Нью-Йорк и Сан-Франциско. Каков комментарий пресс-секретаря по этому поводу?)

Ответ: Тайваньский вопрос является ядром основных интересов Китая, политической основой китайско-американских отношений и первой «красной чертой» в китайско-американских отношениях, которую нельзя переступать. «Независимость Тайваня» несовместима с миром и стабильностью между двумя проливами и является тупиковым путем. Потакание поддержке «независимости Тайваня» в конечном итоге приведет к пожару и самосожжению..... (18.08.2023)).

В примере 5 мы видим, что «человек занятой» используется для насмешки над правительством США. Использование слова «человек занятой» контрастирует с последующей фразой «у него есть какие-то эксперты, которые регистрируют и анализируют то, что говорит российское руководство», сатирически показывающей, что правительство США использует свое время и энергию не по назначению.

В примере 6 Китай использует фразеологические выражения «水火不容 несовместимые с огнем и водой», «死路一条 тупиковый путь», «引火烧身 приведет к пожару» и «玩火自焚 рисовать огонь и обжигаться» для критики стран и отдельных лиц, поддерживающих «независимость Тайваня».

И ирония, и фразеология служат для усиления языковой экспрессии при критическом высказывании. Это делает критику более жесткой.

Цели критического высказывания в дискурсе пресс-конференции

Одним из способов достижения политического манипулирования, как считает М. Степанова, является убеждение, направленное на рациональный уровень сознания адресата в целях изменения «интенциональной сферы его внутреннего мира за счёт модификации отдельных фрагментов структуры его знаний» [11]. Так что помимо описанного выше анализа традиционных языковых структур при сопоставлении китайских и русских языковых материалов мы также обнаружили, что цель критического высказывания в китайском и российском дискурсе пресс-конференции различна.

Российская сторона делает акцент на критике существующего положения вещей, в то время как китайская сторона больше ориентирована на изменение существующего положения вещей.

Пример 7. Вопрос: Как Вы оцениваете объявленный Украиной «мирный саммит» против «российской агрессии»?

Ответ: Вот, что мы слышим в качестве фактов. Делаем выводы о том, что никто не хочет всерьез показать понимание происходящего. В том числе те, кто понимает, но не хотят это делать публично. И в этих условиях – раз «на поле боя», то давайте (23.09.2023).

Пример 8. 问题: 据悉, 今天日本首相岸田文雄以私人身份向靖国神社供奉祭祀费, 内阁成员之一、现任大臣高市早苗也参拜了靖国神社。中方对此有何回应?

回答：78年前的今天，也就是1945年8月15日，日本接受《波茨坦公告》，宣布无条件投降。.....日本政要涉靖国神社消极动向再次反映出日方对待历史问题的错误态度.....中方敦促日方认真汲取历史教训，坚持走和平发展道路，以实际行动同军国主义彻底切割，避免进一步失信于亚洲邻国和国际社会。(15.08.2023).

(Вопрос: Стало известно, что сегодня премьер-министр Японии Фумио Кисида лично совершил подношение храму Ясукуни, а один из членов кабинета министров, действующий министр Хаяо Такаити, также посетил храм Ясукуни. Какова реакция Китая на это?)

Ответ: 78 лет назад, 15 августа 1945 года, Япония приняла Потсдамскую декларацию и объявила о своей безоговорочной капитуляции. Негативное движение японских высокопоставленных лиц, связанное с храмом Ясукуни, в очередной раз отражает неправильное отношение японской стороны к историческому вопросу Китай призывает японскую сторону серьезно усвоить уроки истории, придерживаться пути мирного развития и предпринять практические действия по отказу от милитаризма, чтобы избежать дальнейшей потери авторитета у своих азиатских соседей и международного сообщества (15.08.2023)).

Как мы все знаем, и российско-украинская война, и японское искажение истории вторжения в Китай являются чрезвычайно сложными текущими ситуациями в России и Китае. Однако в примерах 7 и 8 мы видим, что Китай, критикуя существующее положение вещей, обращается к Японии и выражает надежду на то, что Япония признает свою историю. Россия же осталась на уровне критики.

Заключение

В результате исследования получены выводы:

- 1) сопоставление лексических средств показало, что российский дискурс пресс-конференции содержит в большей степени личную оценку, китайский дискурс пресс-конференции – официальную;
- 2) синтаксические средства российского дискурса пресс-конференции содержат больше контрастивных конструкций, китайский дискурс пресс-конференции – синтаксических повторов;
- 3) стилистические средства российского дискурса пресс-конференции содержат иронию, китайский дискурс пресс-конференции – фразеологию;
- 4) по цели критического высказывания российская сторона делает акцент на критике существующего положения вещей, а китайская сторона – на изменении существующего положения вещей.

Анализируя полученные результаты, мы видим, что в рамках дипломатического дискурса реализация критики российской стороной характеризуется сильными эмоциями, экспрессивностью и нацеленностью на критику текущей ситуации. Китайской стороне присущи сильный авторитет, жесткий тон и нацеленность на изменение текущей ситуации.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 415 с.

2. Бубнова И.А., Терентий Л.М. Интенциональный профиль закрытых дипломатических переговоров // Вестник Московской международной академии. 2011. № 2. С. 14–21. EDN: RGPXET
3. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 146 с.
4. Ван Наньнань. Оценка значимости российского «медийного дипломатического дискурса» с точки зрения политической лингвистики: дисс. ... д-ра наук / Даляньский университет иностранных языков. Далянь, 2020.
5. Ву Айхуа. Порядок дискурса на основе моделей речевых актов в дипломатическом дискурсе // Журнал иностранных языков. 2013. С. 53–54.
6. Лу Тингтинг. Теория и методы политической лингвистики. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2018. 222 с.
7. Онлайн-словарь маркетолога. URL: <https://www.unisender.com/ru/glossary> (дата обращения: 30.11.2023).
8. Полещикова А.А. Косвенное волеизъявление в современном английском языке // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 177–183. EDN: МТИУСТ
9. Степаненко А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: На материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. наук / Моск. гос. лингвист. ун-т. М., 2001.
10. Степанова М.А. Манипулятивные приёмы как средство создания политических деятелей (на материале ориентационных публичных выступлений Барака Х. Обамы и Дэвида У.Д. Кэмерона) // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2012. № 4. С. 106–112. URL: <https://www.linguamgou.ru/jour/article/view/1097> (дата обращения: 30.11.2023).
11. Сунь Фуцин. Сравнительное исследование метафор в российско-китайском политическом дискурсе: дисс. ... д-ра наук / Хэйлунцзянский университет. 2018.
12. Сяо Хохуэй. Словарь науки о решениях. Пекин: Народное издательство, 1995. 833 с.
13. Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1 (22). С. 47–56. EDN: MVDFBR
14. Терентий Л.М. Перспективность исследования дипломатического дискурса // Вопросы психолингвистики. 2016. № 29. С. 270–275. EDN: WWORMH
15. Трусова А.Ю., Птушко С.В. К вопросу о высказываниях с самооценкой с точки зрения «Я-концепции» в английском языке // Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении: материалы науч. конф. НГЛУ. Новосибирск 2015. С. 216–220.
16. Ху Кайбао, Ли Чань. Исследование отечественного и зарубежного дипломатического дискурса: проблемы и перспективы // Преподавание иностранных языков. 2018. № 39 (06). С. 7–8.
17. Шалунова М.Ю. Стратегии волеизъявления, выраженные междометными высказываниями // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 295–298. EDN: RTRZVF
18. Чэнь Лицзян. Культурный контекст и политический дискурс: дисс. ... д-ра наук / Шанхайский университет международных исследований. 2008.
19. Чу Тяньгэ. Анализ китайско-российского дипломатического дискурса с точки зрения принципа вежливости. Чанчунь: Цзилиньский университет, 2020. 21 с.

Статья поступила в редакцию 02.12.2023; одобрена после рецензирования 03.12.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 02.12.2023; approved after reviewing 03.12.2023; accepted for publication 05.12.2023